Развитие византийской Литургии. Матеос Хуан filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!

Развитие византийской Литургии. Матеос Хуан.
Часть I: От начала до Трисвятого.
Среди христиан восточного обряда, как католиков, так и православных, наблюдается определённое стремление к реформе их Литургии. Я узнал об этом стремлении в период моей жизни в Бейруте, а также из моего общения с православными в Греции. В Европе и здесь, в Америке, осознание необходимости иметь более приспособленную для пастырских нужд Литургию является ещё более острым. Клирики и образованные мiряне чувствуют и любят красоту византийской Литургии. Но иногда они задумываются: могут ли верующие проникнуть во всю её глубину? И не остаётся ли большая часть богатства Литургии сокрытой от народа?
Я не собираюсь выдавать себя за инициатора литургических реформ. Я лишь хочу дать понять, что нельзя достичь сколько-нибудь полезных и долговременных реформ, не будучи хорошо осведомлённым об историческом развитии Литургии; в противном случае такой реформатор будет руководствоваться лишь собственным вкусом, сохраняя те стороны Литургии, которые ему нравятся, и отвергая те, которые ему не нравятся, действуя безо всякого учёта объективных критериев.
Но настоящий литургист так не поступает. Ибо изучая литургию, мы можем понять определённые принципы, что сделает наши заключения более объективными и плодотворными.
Некоторые элементы Литургии прошли тот или иной путь развития. Некоторые фрагменты, добавленные в Литургию ради определённых целей и нужд того времени, остались в её составе много после того, как эти нужды перестали существовать. Напротив, определённые старые способы совершения церемоний и обрядов, которые давно уже вышли из употребления, могли бы сегодня оказаться предпочтительнее заменивших их более поздних нововведений.
Для того, чтобы обнаружить добавления и замены и дать им оценку, исходя из контекста, в котором они используются, мы должны сначала бросить общий взгляд на историю развития византийской Литургии. И это не такая уж простая задача. Но по меньшей мере некоторые аспекты развития Литургии мы затронем в следующих лекциях. Сегодня мы сосредоточимся на развитии т. н. «малого входа».
Вход в IV веке и в наши дни
Если мы будет изучать древние документы, посвящённые антиохийской и византийской Литургиям, например, творения свт. Иоанна Златоуста, мы обнаружим, что Литургия начиналась с приветствия епископа: «Мир вам». Немедленно после ответа на это приветствие народ садился и читалось Священное Писание. Но в сегодняшнем чине византийской Литургии чтению Писания предшествуют куда как более долгие церемонии и молитвы. В очень торжественной обстановке эти церемонии могут занять целый час, как оно и было, когда на горе Афон во время празднования 1000-летия основания Великой Лавры служились патриаршие Литургии. Таким образом, мы видим, что со времени свт. Иоанна Златоуста, когда Литургия начиналась чтениями, византийская Литургия приобрела много элементов, которых не было в её первоначалом варианте.
Сегодня в начальной части Литургии мы находим следующие элементы: мирная ектения, три антифона, две малых ектеньи с сопровождающими их молитвами; молитва Входа и сам Вход, тропари и кондаки, и Трисвятое. Откуда эти элементы появились?
Если мы возвратимся ко временам свт. Иоанна Златоуста, то есть, к Литургии, какой она была в его дни, мы увидим, что епископ и священники входили в храм и приветствовали народ словами «Мир вам», на что люди отвечали «И со духом вашим». Иными словами, мы имеем первоначальный вход без сопутствовавших ему песнопений. Люди, священник и епископ просто входили с улицы в храм безо всякого пения. После приветствия клирики и народ садились и слушали чтение Писания. Во время чтения клирики сидели на возвышении в середине храма, именовавшемся бема. Верные также сидели в нефе, по сторонам от этой бемы, так что клирики находились посреди их.
Трисвятое, гимн во время процессий
После IV века постепенно добавлялись другие элементы. Один из этих элементов – пение Трисвятого.
Трисвятое – это древний тропарь, певшийся во время покаянных процессий. В пятом веке было достаточно распространено совершать покаянные процессии[1] через Константинополь, прося Бога защитить город от землетрясений и других бедствий. Легенда о происхождении Трисвятого действительно связывает откровение об этом гимне с землетрясением, сотрясшим столицу перед 450 г. от Р.Х.

Согласно этой легенде, землетрясение было катастрофическим, и люди собрались на молитву за пределами города, прося Бога о милости: «Kyrie, eleison» («Господи, помилуй»). Внезапно некий мальчик был взят на Небеса, где он слышал пение ангелов: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас!» Вернувшись на землю, мальчик рассказал собравшимся об этом ангельском пении. Люди сами запели эту песнь, Трисвятое, и землетрясение прекратилось.
С этого времени Трисвятое пелось в покаянных процессиях, шедших от одной церкви к другой, где служилась Литургия. Прежде чем придти в другую церковь, процессия могла делать одну или несколько остановок в назначенных местах, чтобы молить Бога об особых нуждах. Одной из таких обычных остановок был Константинопольский форум, большая площадь в городе. Здесь читалась специальная молитва, Ectenes, или Усердное моление, которая потом была включена в состав Литургии[2]. Иногда патриарх сам читал другие молитвы, прося Бога о защите города. В особо торжественных случаях, таких, как начало года (1 сентября), или годовщина основания города (11 мая) пелись три антифона; за ними следовали чтения из Апостола и Евангелия. Сугубая ектенья завершала молитвы на этой остановке, и процессия двигалась дальше к храму, поя псалом с припеваемым после каждого стиха тропарём.
В древности тропарём, поёмым на пути в храм, было само Трисвятое, повторяемое народом после каждого стиха избранного псалма. Этим псалмом обычно был, как кажется, псалом 79 «Пасый Израиля, вонми, наставляяй яко овча Иосифа», поскольку и в наше время епископ благословляет народ, во время пения Трисвятого, со стихами 14–15 из этого же псалма: «Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей и утверди и, егоже насади десница Твоя».
Прежде чем процессия начинала свой путь от первого храма, патриархом читалась «Молитва Трисвятого». Из её текста мы может видеть связь этой молитвы с покаянной процессией:
«… не презираяй согрешающаго, но полагаяй на спасение покаяние: сподобивый нас, смиренных и недостойных раб Твоих, и в час сей стати пред славою Святаго Твоего Жертвенника, и должное Тебе поклонение и славословие приносити: Сам, Владыко, приими и от уст нас грешных Трисвятую песнь и посети ны благостию Твоею: прости нам всякое согрешение, вольное же и невольное, освяти наша душы и телеса, и даждь нам в преподобии служити Тебе вся дни живота нашего…»[3]
В конце процессии, когда она входила во второй храм, певцы, заключая пение псалма, запевали «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу…» и Трисвятое повторялось ещё дважды. Затем, когда процессия была уже внутри храма, Литургия начиналась как обычно, с приветствия служащего «Мир всем» и чтения писаний.
Включение Трисвятого в состав Литургии
Таким образом, мы видим, что раньше Трисвятое пелось во время специальных процессий. Но документы из Константинополя, датируемые VI веком, показывают нам, что Трисвятое пелось даже в дни, когда не было процессий. Когда клирики входили в храм, чтобы служить Литургию, Трисвятое использовалось, как входной гимн. Таким образом, новый элемент, ранее принадлежавший процессиям, стал частью Литургии.
Наряду с Трисвятым, но, возможно, в более позднюю эпоху, в Литургию были включены и два другие фрагмента из процессий: молитва перед Трисвятым и сугубая ектенья, которая была помещена после чтения Евангелия, как это было и во время остановок на Форуме.
Различные тропари
Трисвятое, таким образом, использовалось в VI века как обычный Introitus (входной гимн) для воскресных и праздничных дней. Постепенно, возможно ради того, чтобы избежать однообразия, были составлены различные гимны для различных праздников или празднования Воскресения.
Каждое новое Входное состояло из тропаря и соответствующего псалма. Для воскресных дней использовался псалом 94 «Придите, возрадуемся Господеви», тропарём было известное песнопение «Единородный Сыне» (O Monogenes) в котором кратко изложена вся история Искупления, от воплощения до победы на смертью:
«Единородный Сыне, и Слове Божий, безсмертен Сый, и изволивый спасения нашего ради воплотитися от Святыя Богородицы и Приснодевы Марии, непреложно вочеловечивыйся, распныйся же Христе Боже, смертию смерть поправый, Един сый Святыя Троицы, спрославляемый Отцу и Святому Духу, спаси нас».
Этот тропарь был составлен во времена Юстиниана и введён в состав Литургии этим императором перед 540 г. Постепенно он стал также петься по субботам, и наконец, каждый день, когда не было собственного входного тропаря.
Так как тропарь «Единородный Сыне» достаточно длинный, он не пелся целиком после каждого стиха Псалма 94, но пелась только последняя фраза: «Един Сый

Святыя Троицы…» Целый же тропарь пелся в начале и в конце псалма.
Для праздников были специальные тропари и псалмы. Для Рождества, например, был приспособлен псалом 109: «Рече Господь Господеви моему: седи одесную мене», а соответствующим ему тропарём был тропарь: «Рождество Твое, Христе Боже наш…»
После X века под палестинским влиянием было введено 8 специальных воскресных тропарей, являвшихся Входными для последовательно восьми воскресений; псалом 94 не менялся. Вот тропарь второго гласа:
«Егда снизшел еси к смерти Животе Безсметный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества: егда же и умершыя от преисподних воскресил еси, вся силы небесныя взываху: Жизнодавче Христе Боже наш, слава Тебе».
Как обычно, тропарь пелся полностью в начале и конце псалма, а после каждого стиха повторялась последняя фраза: «Жизнодавче Христе Боже наш…»
Введение новых воскресных тропарей заставило переместить прежний тропарь «Единородный Сыне» ко второму антифону, где он сейчас и располагается.
Следовательно, далее мы должны исследовать происхождение этих антифонов.
Три антифона
Три антифонных псалма пелись в Константинополе не только на торжественных процессиях, но и на вечерне и других литургических службах.
Во время процессий антифоны пелись во время остановок. Эти три антифона не зависели от тропаря и псалма, которые пелись во время движения процессии.
Мы уже видели, что Трисвятое со своим псалмом, поначалу бывшее песнопением процессии, стало первым входным гимном Литургии, и что в более поздние времена были составлены переменные входные гимны, не вытеснявшие Трисвятого.
Между VII и VIII веками в Литургии произошло ещё одно новшество: приготовление хлеба и вина, которое до этого совершалось после чтения Писания и ектений (то есть, в начале Евхаристической части Литургии), было перенесено в самое начало, перед первым входом. Пока этого приготовление совершалось, следовало заполнить это время чем-то благочестивым, и в начало Литургии были добавлены три антифона, подобные тем, что пелись в определённые дни на Форуме. Уже существующий входной гимн стал третьим антифоном, утратив, таким образом, свою функцию входного песнопения, и перед ним были помещены два новых антифона.
Таким образом, в качестве третьего антифона или входного гимна был сохранён прежний псалом 94 «Приидите, возрадуемся Господеви», певшийся во время процессий. Для первого и второго антифонов были выбраны два предшествующих псалма, псалом 91 «Благо есть исповедатися Господеви», и псалом 92 «Господь воцарися». Псалом 93 («Бог отмщений Господь»), едва ли подходящий для праздничной службы, был, к счастью, пропущен!
Молитвы
Сейчас между пением антифонов читаются 4 молитвы. Первые три называются молитвами первого, второго и третьего антифонов, а четвёртая – молитвой входа.
Молитва входа определённо древняя и читалась перед дверьми храма, когда клирики и народ подходили с процессией к храму, чтобы совершать Литургию. Как показывает диаконское приглашение («Господу помолимся»), молитва читалась вслух и предполагала немедленное прекращение пения гимна процессии.
Но происхождение трёх молитв антифонов – более сложная проблема. Стоит указать, в чём состоит эта проблема и предложить её разрешение.
Начнём со второй молитвы:
«Господи Боже наш, спаси люди Твоя и благослови достояние Твое, исполнение Церкве Твоея сохрани, освяти любящыя благолепие дому Твоего: Ты тех возпрослави Божественною Твоею силою, и не остави нас, уповающих на Тя»
Этот текст не связан с певшимися в это время псалмами. Молитва состоит из фраз, не вполне связанных друг с другом, среди которых первая фраза – это, практически, благословение народа.
Если мы сравним этот текст с текстом заамвонной молитвы (opisthambonos), читаемой в конце Литургии, мы увидим, что начало заамвонной молитвы очень похоже на молитву второго антифона. Более того, если мы обратимся к древним рукописям, мы обнаружим, что текст нашей молитвы не только похож, но буквально тот же самый, что и в начале заамвонной молитвы. Таким образом, у нас есть две редакции одной и той же молитвы, одна из которых, читаемая как молитва второго антифона, более ранняя, вторая же, представляющая сейчас заамвонную молитву, является расширенной редакцией того же текста.
Поскольку заамвонная молитва раньше являла собой благословение в конце Литургии, мы может сделать вывод, что и нынешняя молитва второго антифона также являлась конечным благословением и не предполагала сопровождения пения псалма.
Молитва третьего антифона совсем иного рода:

«Иже общыя сия и согласныя даровавый нам молитвы, Иже и двема, или трем, согласующымся о Имени Твоем, прошения подати обещавый, Сам и ныне раб Твоих прошения к полезному исполни, подая нам и в настоящем веце познание Твоея истины, и в будущем живот вечный даруя».
«Молитвы», упомянутые в этом тексте, это, конечно, не пение псалма. Тогда к каким молитвам это относится? К молитвам, совершаемым вместе, когда много голосов соединяются в молитве; молитвам, содержащим общие прошения. Это всё даёт нам основание задуматься, не была ли эта молитва связана с ектеньёй, где диакон возглашает прошения и народ отвечает вместе единым гласом.
В молитве первого антифона читаем:
«Господи Боже наш, Егоже держава несказанна и слава непостижима, Егоже милость безмерна и человеколюбие неизреченно: Сам, Владыко, по благоутробию Твоему, призри на ны и на святый храм сей и сотвори с нами и молящимися с нами богатыя милости Твоя и щедроты Твоя».
Опять же, никаких указаний в тексте, что эта молитва предшествовала пению псалма. Напротив, мы видим здесь различение между клиром («с нами») и народом («и молящимися с нами»), хотя и те и другие объединены в общей молитве. Совместная молитва клира и народа, произносимая вслух, это, вероятно, опять же ектения. Если мы сравним эту третью молитву с т. н. «второй молитвой верных» из Литургии св. Иоанна Златоуста, мы найдём в обеих выраженное почти в тех же словах различение между клиром и народом (мы = клир, молящиеся с нами = народ). Поскольку вторая молитва верных – это, без всякого сомнения, заключительная молитва ектении, данное сходство молитв подтверждает нашу гипотезу.
Подводя итог этим размышлениям, мы можем сказать, что эти три молитвы, находящиеся сейчас в чине Литургии под заглавием «Молитвы антифонов», не были составлены для этой цели, фактически, две из них – первая и третья – имели, по-видимому, связь с ектенией, тогда как вторая – с заключительным благословением. С другой стороны, эти три молитвы составляют определённую группу, так что они должны были когда-то быть вместе, но в ином месте Литургии. Поскольку две из них имеют отношение к ектениям, рассмотрим место ектений в Литургии и соотношение между ектениями и молитвами.
В документах четвёртого и пятого столетий просительная ектения всегда находится в конце службы; вплоть до того, что в Иерусалиме епископ приходил только на последнюю часть вечерни, именно потому, что там читалась эта ектения.
Сейчас Литургия, как мы знаем, состоит из двух частей. Первая часть, Литургия Слова, построена, как словесная служба; вторая часть – Евхаристическая Жертва. Таким образом, ектении в Литургии помещались в конце первой части, после чтений и отпуста оглашенных.
Ектения всегда сопровождалась одной или несколькими молитвами; в этой связи мы обнаруживаем две различные традиции: антиохийскую, где была одна молитва, сопровождавшая ектению, и малоазийскую (старейший документ, принадлежащий этой традиции, исходит от Лаодикийского Собора), имевшую две молитвы, одну перед или во время ектении и одну после, плюс заключительную молитву благословения.
В Восточном обряде мы должны тщательно различать между Литургией, принадлежащей к традиции Малой Азии (Константинополь), и прочими службами суточного круга, следующими палестинской традиции, относящейся к Антиохии. В Литургии мы видим две молитвы, названные «Молитва верных». Одна молитва должна была читаться молча во время Великой ектении (great synapte), вторая должна была произноситься вслух в заключение просительной ектении. Старые Константинопольские утренние и вечерние службы, ныне не существующие, подобным же образом следовали малоазийской традиции: две молитвы верных, плюс молитва главопреклонения или благословения.
Итак, если мы хотим идентифицировать современные «Молитвы антифонов», которые, как мы увидели, не имеют отношения к пению псалмов, мы должны рассматривать их как древнюю триаду «молитв верных» (молитва во время ектении, молитва после ектении, молитва благословения), принадлежащую к старому Константинопольскому чину. По нашему мнению, которое мы не можем сейчас полностью объяснить, это были раньше молитвы верных в Литургии св. Василия Великого. Нынешние молитвы верных в этой Литургии должны иметь какое-то иное происхождение, и были составлены не для сопровождения ектений, а для приготовления к совершению Евхаристии.
Великая ектения
В ходе всех предшествующих рассуждений мы исходили из предпосылки, что Великая (мирная) ектения, именуемая также «молитвой верных» или, по-гречески, sinapte, находящаяся сейчас в самом начале Литургии, перед первым антифоном, раньше помещалась в другом месте.
Действительно, согласно документам IV-го и V-го столетий, sinapte читалась после Евангелия, после того, как были отпущены оглашенные и другие

категории людей, не бывшие в полном общении с Церковью (одержимые, кающиеся, просвещаемые). Позднее, предположительно в VIII веке, Великая ектения была перенесена на новое место, перед Трисвятым, непосредственно после входа; на этом месте она оставалась до XII века. Только после этого, по крайней мере, в Константинополе, Великая ектения была помещена на место, которое она занимает сейчас, в начале Литургии.

Какова могла быть причина того, что великая ектения была перенесена с отпуста оглашенных к началу Трисвятого? Возможно, введение в Литургию, непосредственно после Евангелия, сугубой ектении, которая раньше принадлежала к процессиям.

Пастырское суждение

В этой главе мы увидели, как много изменений было сделано в первоначальной структуре входной церемонии. В заключение мы может спросить, улучшили ли эти изменения пастырское значение первой части византийской Литургии.

В самом начале, когда Литургия начиналась непосредственно с чтений, богословское значение было ясным: в христианской жизни первенство принадлежит Богу. Мы должны в первую очередь слушать Его, призываться Им, учиться от Него, и только после этого просить о помощи в наших нуждах. Дальнейшее развитие, поставившее перед чтениями процессиональный гимн, сначала Трисвятое, затем псалом и тропарь (сейчас именуемые третьим антифоном), сохраняло прежний ход мысли: они ставили Бога в центр богослужения, Литургия всё ещё открывалась с хвалы и славы Богу. Входные гимны являются, как мы можем сказать, явным признанием Божьего присутствия, и они содержат акты хвалы и поклонения, этому присутствию подобающие. Когда Литургия начиналась с чтений, это присутствие также подразумевалось, ибо мы не может слушать Слово Божие, не осознавая Его присутствия с нами. С введением же входных гимнов это присутствие стало выражаться более глубоко и ощутимо. Мы можем, таким образом, сказать, что введение данных песнопений явилось реальным прогрессом в построении Литургии.

Введение, в VIII веке, первого и второго антифонов продолжало ту же линию, хотя уже создавало некоторые неудобства. Начальная похвала стала неоправданно долгой и затемняла тот факт, что центральным моментом Литургии Слова является само Слово Божие. В то же время было исключено чтение из Ветхого Завета и, возможно, сокращён прежний псалом респонсория, прокимен. Таким образом, прежние, переменные и пасторски значимые элементы были отброшены, уступив место новым, фиксированным и менее пасторским.

Перенесение Великой ектении в самое начало Литургии, произошедшее в XII веке, перенесло акцент с похвалы Бога на человеческие нужды. Мы полагаем, что это антропоцентрическое начало Литургии имеет меньшую религиозную ценность, чем прежнее теоцентрическое. Само служение Литургии является школой христианской духовности. Верующие должны научаться рассматривать Бога более важным, чем себя и свои нужды.

Часть II: От чтения Писаний до Анафоры

Литургию Слова обычно представляют назидательной частью Литургии. Не отрицая её явно назидательного характера, мы, однако, можем спросить, почему это назидание совершается перед Евхаристической Жертвой, и, более того, почему Церковь никогда не позволяет совершать Жертву без того, чтобы перед этим не читалось Священное Писание?

Нам, поэтому, представляется, что понимание Литургии Слова как назидательной службы не вполне адекватно. Наставлять можно и на любой другой службе. Должна быть какая-то особая связь между Словом и Жертвой, делающая их неразрывными. Мы видим основание этой связи в Евангелии от Иоанна (15, 3): «Вы уже очищены словом, которое Я сказал вам». Слово Божие очищает тех, кто его слушает, а мы никогда так не нуждаемся в очищении, как перед принятием Тела и Крови Христовых.

Литургия Слова, помимо своей назидательной функции, является в первую очередь очищением, обращением к Богу, открытие сердца к большему послушанию Духу. В различных евхаристических Литургиях это часто выражается в молитвах или воззваниях, произносимых до или после чтений. В Латинской Мессе, например, по окончании чтения Евангелия священник целует книгу со словами: «Евангельскими речениями да изгладятся наши согрешения». И в молитве перед Евангелием, читаемой в наше время в Византийской Литургии, священник молит Бога, чтобы через Евангельское чтение «плотския похоти вся поправше, духовное жительство пройдем, вся, яже ко благоугождению Твоему, и мудрствующе, и деюще».

Количество чтений

Сейчас Византийская Литургия содержит 2 чтения, из Апостольских Посланий и из Евангелия. До VII века, однако, чтений было три: одно из Ветхого Завета (из пророков), а также Апостол и Евангелие. Таковой же была также традиция испанской, галликанской, римской, миланской и армянской Литургий.

Три литургических чтения всё ещё присутствуют на великих всенощных бдениях

Византийской Литургии: в канун Рождества Христова, Богоявления и в Великую Субботу.
В канун Рождества, когда Литургия совершается после вечерни, мы находим сейчас восемь чтений из Ветхого Завета и, после пения Трисвятого, Апостол и Евангелие. Но если мы обратимся к старым Типиконам, мы обнаружим, что Трисвятое пелось между седьмым и восьмым пророчествами. Таким образом, вечерня имела семь чтений, а Литургия три: пророчество, Апостол, Евангелие. Такая же структура, с некоторым особенностями, существует и на крещенском бдении. Чтений вечерни было, подобным же образом, семь, но, согласно Типикону, были другие пять чтений на случай, если патриарх уходил на какой-то время в свою резиденцию и не возвращался ко времени пения Трисвятого. После Трисвятого снова читалось пророчество (тринадцатое в современном бдении), Апостол и Евангелие.
В Великую Субботу было ещё семь чтений в дополнение к обычным семи, поскольку во время чтений, происходящих в главном храме, патриарх совершал крещение в баптистерии. Если число крещаемых было велико, и не было времени закончить крещение за время чтения семи обычных чтений, для заполнения этого времени читались семь других чтений. Последнее чтение (сейчас пятнадцатое) принадлежало к Литургии, как и Апостол и Евангелие.
Цикл чтений
Сейчас мы имеем чтения Апостола и Евангелия на каждый день года, за исключением Великого Поста, когда чтения положены только на субботу и воскресенье. Причина этого исключения в том, что Литургия всегда совершалась в духе радости и благодарения, и совершать Евхаристию в дни строгого поста и скорби было сочтено неуместным.
Цикл годичных чтений, однако, не был составлен в одно время, и не все его части одинаково древни. Самый древний цикл зафиксирован для воскресных чтений и чтений Светлой Седмицы. Затем появился специальный цикл субботних чтений. Позднее, в монастырях, где Литургия совершалась ежедневно, монахи отобрали из остальных частей Нового Завета отрывки для седмичных дней. Это объясняет расхождения в последовательности чтений в византийском лекционарии. Имеется отдельный порядок для воскресных чтений, каждый отрывок следует после предыдущего отрывка, читавшегося в предыдущее воскресенье. Аналогичный порядок для суббот; такой же и для будних дней. Таким образом, в реальности у нас три разных правила чтений.
Псалмы между чтениями
Когда византийская Литургия имела три чтения, в двух промежутках между ними пелись респонсорные псалмы: между пророками и Апостолом псалом, именуемый Прокимен, а между Апостолом и Евангелием – Аллилуйя. То же самое справедливо и для римской Мессы. Однако, если в византийской Литургии после отмены чтения Пророков прокимен сохранил своё место, и по-прежнему читается перед Апостолом, в римской Литургии после изъятия ветхозаветного чтения первый псалом (Responsorium Graduale) был помещён после Апостола, и таким образом, в латинской Мессе сейчас между Апостолом и Евангелием два псалма. Возможно, нам стоит пояснить, что имеется в виду под респонсорным псалмом и чем он отличается от антифонного псалма.
Для исполнения респонсорного псалма требуется два исполнителя: солист (псалмист), который запевает припев (= responsorium, т. е. «ответ») и поёт стихи псалма, и хор, состоящий из множества верующих, который повторяет припев после каждого стихи или группы стихов, поемых солистом. Припев – это всегда избранный стих того же самого псалма, по-гречески он называется прокимен, т. е. (стих), предшествующий (псалму), который должен быть запет солистом, а затем повторяем хором. Заметьте, что респонсорный псалом никогда не заканчивается пением «Слава».
Антифонное исполнение псалма требует четырёх исполнителей: двух солистов и два хора. Солисты попеременно поют стихи псалма, каждый хор отвечает солисту, поя антифон, или антифоны. Антифон, обычно называемый в византийской Церкви тропарь, может быть тем же для обоих хоров, или другим; он не взят из самого этого псалма, но это отдельное церковное сочинение, или же просто аллилуиа. Антифонный псалом всегда завершается славословием «Слава, и ныне».
Респонсорный псалом более подходит для духовных размышлений, поэтому такой способ исполнения псалма используется между чтениями. Антифонный псалом, где чередуются два хора, более подходит для процессий.
Молитва перед Евангелием
Количество и место молитв, связанных с чтениями, в разных чинах различно. В римском обряде, к примеру, нет молитвы перед чтениями, так как Munda cor meum[4], читаемая перед Евангелием, это лишь молитва очищения для диакона, который и должен её читать, а не молитва, которую должно слышать всё собрание.
В современной византийской Литургии молитва перед Евангелием читается от

имени всего собрания:
«Воссияй[5] в сердцах наших, Человеколюбче Владыко, Твоего богоразумия нетленный Свет, и мысленныя наша отверзи очи во евангельских Твоих проповеданий разумение: вложи в нас и страх блаженных Твоих заповедей, да плотския похоти вся поправше, духовное жительство пройдем, вся, яже ко благоугождению Твоему, и мудрствующе, и деюще».
В этой красивой молитве мы просим Господа даровать нам плоды Евангелия, а именно, чтобы жить по Духу. Мы всего ожидаем от Бога, ничего от себя: это Он просвещает сердца наши Своим светом, и открывает очи ума нашего, чтобы видеть этот свет, и понимать Его евангельскую весть. От него мы научаемся почитанию Его заповедей, а плод этого почитания – жизнь, удовлетворяющая Его во всём.
Эта молитва, однако, не принадлежит Константинопольской традиции. По сути, византийская Литургия, как и римская, не имеет молитвы перед Евангелием. Эта молитва принадлежит к Литургии св. апостола Иакова, использовавшейся в Иерусалиме, и не появляется в Византийской Литургии до XII века.
Ектении усердного моления
После чтения Евангелия мы читаем сугубую ектению. Откуда это определение сугубая, т. е. усердная? Это перевод греческого слова ektenes. Мы находим форму этого слова в Деяниях Апостолов; Петр был в темнице, а вся Церковь усердно о нём молилась.
Ектения начинается с возглашения: «Рцем вси от всея души и от всего помышления нашего рцем». Зачем это повторение глагола? Затем, что в этом возглашении слились воедино две разные фразы. Согласно древним рукописям, диакон начинал с наставления народу, чту они должны отвечать: «Скажем все: Господи помилуй». Затем он начинал саму ектению: «От всея души и от всего помышления нашего рцем». Люди были уже научены, и они отвечали: «Господи, помилуй».
Продолжая ектению, диакон читает прошение: «Господи Вседержителю, Боже отец наших, молим Ти ся, услыши и помилуй». Мы начинаем понимать, почему ектения называется усердной. В мирной ектенье диакон призывает народ: «Господу помолимся». Здесь же он адресуется непосредственно к Богу. Кроме того, он настаивает в своей молитве, используя три глагола: «Молим Тебя, услыши и помилуй».
Диакон продолжает: «Помилуй нас Боже, по велицей милости Твоей (см. Псалом 50), молим Ти ся, услыши и помилуй». Народ в это время отвечает «Господи, помилуй» трижды, ещё одна причина именовать данную ектению усердной.
Молитва сугубой ектении связана с последним прошением, как оно содержится в греческих литургических книгах, так что это развитие прошения о милости: «Господи Боже наш, прилежное сие моление приими от Твоих раб, и помилуй нас по множеству милости Твоея, и щедроты Твоя низпосли на ны и на вся люди Твоя, чающыя от Тебе великия и богатыя милости».
После молитвы диакон начинает новый тип прошений, начинающихся с «Еще молимся», и не имеющих в конце трёх характерных для этой ектении глаголов: «молим Ти ся, услыши и помилуй». Число и содержание их может варьироваться в зависимости от поместной Церкви.
Обратившись к старым документам, мы увидим, что прошение перед молитвой «Помилуй нас, Боже» было последним прошением ектении, но также что между этим и первым прошением, «Господи Вседержителю», были и другие прошения, исчезнувшие в настоящее время. Два из этих прошений были типичными «Богатый в милости и обильный в сострадании, молим Ти ся, услыши и помилуй» и «Не хотяй смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему, молим Ти ся, услыши и помилуй». Могли добавляться также прошения о городе, хорошей погоде и др., идентичные тем, что сейчас читаются в великой ектенье.
После последнего прошения, «Помилуй нас, Боже», люди пели «Господи помилуй» не только три раза, но девять или 12 раз, подняв вверх руки. Епископ, читая славословие «Яко милостив и человеколюбец Бог еси…» поворачивался к людям и три раза благословлял их.
Происхождение сугубой ектении
Прошения сугубой ектении, как в их древних редакциях, так и в современной, имеют вселенский характер. Возможно ли, однако, предположить, следуя традиции, что такая ектения могла читаться перед отпуском оглашенных? Мы должны ответить «нет» на этот вопрос. В «Апостольских постановлениях» и других древних описаниях Литургии мы находим, что непосредственно после проповеди происходил роспуск тех, кто не мог присутствовать при Евхаристии. Таким образом, оглашенные, одержимые, просвещаемые (т. е. те, кто скоро должен быть принять Св. Крещение) и кающиеся были отпускаемы до совершения какой-либо всеобщей, вселенской молитвы верных.
Как мы уже видели раньше, сугубые ектении были покаянными ектениями, читавшимися во время остановок при покаянных процессиях. Древние прошения, ныне вышедшие из употребления, которые мы цитировали в предыдущем разделе,

чётко свидетельствуют о покаянном их характере. Вкупе с антифонами и Трисвятым сугубые ектеньи относились не к Литургии, но к процессиям, и читались в особо торжественных случаях сразу после того, как в Форуме прочитывалось Евангелие.

Череда отпустов

Отпусту оглашенных предшествовала ектения-молитва от их имени, которая заключалась молитвой благословения, произносимой епископом над оглашенными, склонившими по приглашению диакона свои головы. Так как благословение (греч.: eulogeo; Latin: benedico) означает пожелание чего-то хорошего, епископ просил Бога даровать оглашённым второе рождение через Крещение, плодами которого являлись бы оставление грехов и одежда нетления.

Мы должны разъяснить явно противоположный смысл двух первых диаконских возглашений в ектенье об оглашенных. Диакон начинает, говоря: «Помолитеся оглашенные Господеви» и сразу вслед за этим: «Вернии, об оглашенных помолимся». На самом деле оглашенные, как мы это видим в «Апостольских постановлениях», пребывали коленопреклонёнными в безмолвной молитве, тогда как верные, составляющие Церковь, ходатайствовали за них пред Богом, отвечая на возглашения диакона. По окончании ектении оглашенным давался знак встать и приклонить свои головы, чтобы принять епископское благословение или заключительную молитву.

Подобный же отпуст, с ектенией и благословением, совершался и для трёх других категорий: одержимых, просвещаемых и кающихся.

Молитвы верных

Немедленно после этого диакон начинал ектению верных. «Елицы вернии, миром Господу помолимся». В Византийском чине сейчас имеется две ектении и две молитвы верных, поскольку считалось, что каждая молитва должна иметь собственную ектению. В первой лекции, впрочем, мы уже видели, что две молитвы, одна из которых читалась в время ектении, а другая – после неё, были частью подлинной Константинопольской традиции. Ектения, о которой мы говорим сейчас (oratio fidelium = молитва верных), была ничем иным, как великой ектеньёй, которая сейчас находится в начале Литургии. Она называется «молитва верных» не потому, что они молятся в ней о своих нуждах, но потому, что это сообщество верных, то есть Церковь, молится о вселенских нуждах. По этой причине эта молитва-ектения именуется также «кафолической», т. е. универсальной; другое наименование этой ектении «irenic» («мирная»), потому что в первом прошении мы просим о даровании мира.

Интересно отметить, что в первой молитве верных священник говорит: «Благодарим Тя, Господи Боже Сил, сподобившаго нас предстати и ныне Святому Твоему Жертвеннику и припасти ко щедротам Твоим о наших гресех и о людских неведениих». И во второй молитве «Паки, и многажды Тебе припадаем» Это означало, что в начале ектении все собравшиеся совершали земной поклон и оставались коленопреклонёнными до окончания ектений. Коленопреклонение во время ектений появляется в Апостольских Постановлениях и в писаниях свт. Иоанна Златоуста. Возможно ли, чтобы эти молитвы использовались в воскресной Литургии, когда коленопреклонение было запрещено? Мы должны вспомнить, что эти молитвы принадлежат к Литургии свт. Иоанна Златоуста, и знаем, что эта Литургия не совершалась во воскресеньям. Воскресной Литургией была Литургия свт. Василия Великого, которая и поныне остаётся таковой по воскресеньям Великого Поста.

Евхаристическая Жертва

Приношение Даров

Сразу по завершении Литургии Слова хор начинает петь Херувимскую песнь: «Иже Херувимы тайно образующе и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение. Яко да Царя всех подымем, ангельскими невидимо дориносима чинми. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа»

Этот тропарь, повторявшийся в прежнее время три раза, является процессиональным гимном, соответствующим antiphona ad offertorium Римского обряда.

Во время пения Херувимской священник читает молитву, которая появляется в рукописях, относящихся в литургии свт. Василия. По своему характеру это оправдательная молитва священника, который собирается совершать Божественную Жертву, молитва, в которой он исповедует своё недостоинство для такой великой и страшной миссии – принесения Безкровной Жертвы. Пребывание в Божественном Присутствии страшно и для ангелов, не говоря уже о людях, обременённых плотскими страстьми и похотьми. Но Христос, Бог, ставший человеком, стал нашим Первосвященником. Он дал нам возможность совершать эту жертву. Священник, сознавая своё недостоинство, молит Бога об очищении, чтобы он мог достойно предстоять пред святым Божиим престолом, совершая Таинство Его Святых Тела и Крови. Христос, Истинный Священник, и

Истинная Жертва, должен восполнить недостатки Своего служителя.
После прочтения этой молитвы священник, вкупе с диаконом, читает херувимскую песнь, ту же, которую поёт хор. Такое ненужное повторение священником частей Литургии, исполняемых народом, было превалирующим до недавней реформы и в римском обряде. На самом деле, совершение Литургии означает совместное участие многих лиц, где каждый исполняет предназначенную ему часть, так что нет необходимости двум участникам делать одно и то же в одно время.
Затем священник и диакон идут к жертвеннику, берут дискос и чашу, выходят из алтаря через боковую дверь и вновь входят в него через центральные двери. Во время этой процессии пение херувимской песни прерывается, и диакон со священником приветствуют народ словами: «Да помянет вас Господь Бог во Царствии Своем». В древности эти приветствия совершались тихим голосом, не прерывая пение гимна; постепенно приветствия стали возглашаться вслух. В славянских Церквях добавляют также другие приветствия, в частности, за местную власть.
Войдя в алтарь, сослужащие ставят дискос и чашу на престол, читая при этом тропарь: «Благообразный Иосиф с древа снем Пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив и благоуханьми, во гробе нове покрыв, положи».
Почему именно этот тропарь читается в это время? Первым, сказавшим, что положение даров на престол обозначает положение Господа во гроб, был Феодор Мопсуетский. Некоторые называют такого рода интерпретацию «символизм». Мы предпочтём называть её «аллегория». Символ – это нечто, что естественным путём ведёт нас к некоторой высшей реальности, и даже определённым образом содержит её. Аллегория означает нечто, произвольно присвоенное какому либо действию или предмету, и, таким образом, этот предмет ведёт нас к какой-то иной реальности лишь по той причине, что мы сами присваиваем ему значение, которого он не имел бы сам по себе. Скажем это иначе. Если мы истолкуем малый вход как приближение к Богу, вход в место Его присутствия – это будет символ. Если мы истолкуем этот вход, как обозначающий приход Господа в мiр через Воплощение – это будет аллегория; тем же действием можно обозначить и Его вход в Иерусалим, и Вербное Воскресенье, и другие священные события. Подобным же образом, связь положения Даров на престол с положением Тела Христа во гроб – это аллегория. Далее в своём аллегорическом толковании Литургии, Феодор связывает Эпиклесис с Воскресением. В наше время принято считать, что символическим действием, означающим Воскресение, является соединение Тела и Крови после преломления, смерть же символизируется Пресуществлением Даров. Таким образом, прежняя аллегория Феодора может приводить к путанице.
Стоит подчеркнуть, что нет необходимости искать аллегории во всех священнодействиях Литургии. Она вся является священнодействием, и каждая её часть носит таинственный характер; именно такой была мысль Златоуста в его толкованиях на Литургию. Он не позволял себе надуманных и натянутых толкований, таких, как толкование Феодора.
С пасторской точки зрения приносит больше вреда, чем пользы, когда литургисты забывают смысл священнодействия Литургии в целом, как воспоминания нашего искупления через смерть и Воскресение нашего Господа и стремятся каждый отдельный кусочек Литургии истолковывать с точки зрения нравоучения или личного благочестия. Это приводит к потере единства Литургии как единого таинства, и, в конечном итоге, к тому, что внимание рассеивается и рассыпается по разрозненным частям Литургии.
Диалог между сослужащими
Диалог между епископом и сослужащими священниками – как он представлен в чине архиерейской Литургии – являет собой древнюю и красивую молитву по подобию Orate fratres[6], где основной акцент ставится на присутствии Духа Святого как подготовке к Эпиклезису.
Епископ говорит: «Помолитеся о мне, братие и сослужителие», и они отвечают словами Архангела Гавриила к Матери Божией, которые здесь приняли форму пожелания: «Дух Святый найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя». Следующая фраза, произносимая епископом, более поздняя: «Тойже Дух содействует нам вся дни живота нашего».
Молитва приношения
После того, как вход совершился, священник молча читает молитву приношения, в то время, как диакон произносит ектению.
Данная молитва представляет для нас некоторые трудности, в первую очередь, в связи с её названием. Означает ли здесь «приношение» (proskomide) проскомидию, приношение даров, т. е. призвана ли эта молитва сопровождать приношение хлеба и вина? Рассмотрим текст молитвы:
«Господи Боже Вседержителю, Едине Святе, приемляй жертву хваления от призывающих Тя всем сердцем, приими и нас грешных моление, и приведи нас[7] ко Святому Твоему Жертвеннику, и удовли нас приносити Тебе Дары же и жертвы

духовныя о наших гресех и о людских неведениих: и сподоби нас обрести благодать пред Тобою, еже быти Тебе благоприятней жертве нашей, и вселитися Духу благодати Твоея Благому в нас, и на предлежащих Дарех сих, и на всех людех Твоих»

Как мы видим, это молитва совершающих Литургию клириков, просящих Бога позволить им приблизиться к Его святому Престолу и благосклонно призреть на них, чтобы могла быть совершена эта жертва и плоды этой жертвы – схождение Духа Святого.

Кого-то может смутить перевод «приведи нас ко Святому Твоему Жертвеннику». Поскольку в греческом тексте местоимение «нас» отсутствует, это место обычно понимают, как относящееся к упомянутой перед этим молитве: «принеси ю (молитву) ко Святому Твоему Жертвеннику». По многим причинам, особенно поскольку «Святой Жертвенник» здесь означает престол церкви, а не Небесный Алтарь, и поскольку в Литургиях свв. Василия и Марка эта фраза явно указывает на служащих, а не на молитву, данная фраза должна быть переведена именно так, как мы это сделали выше.

Таким образом, это молитва не о дарах, но о служащих. Это не молитва приношения, а молитва входа служащих, когда они шли в процессии от амвона в центре храма к алтарю. Текст молитвы предполагает, что это первое приближение служащих к престолу, следовательно, вся Литургия Слова совершалась вне алтаря, в соответствии с антиохийской и старой константинопольской традицией. Прочтение данной молитвы происходило непосредственно во время процессии, когда служащие приближались к престолу и полагали на него дары.

Название «Молитва приношения» здесь должно означать «молитва возношения, анафоры», поскольку греческое слово proskomide[8] здесь использовано именно в этом смысле; эта молитва, таким образом, является молитвой, открывающей Евхаристическую Литургию.

Была ли в Литургии собственно молитва приношения даров? Конечно, и её произношение вводилось возгласом диакона, всё ещё сохранившимся в ектенье: «О предложенных честных дарех, Господу помолимся». Молитва, следовавшая за этим возглашением, сейчас находится в конце проскомидии, перед Литургией: «Боже, Боже наш, Небесный Хлеб, Пищу всему міру, Господа нашего и Бога Иисуса Христа пославый, Спаса и Избавителя, и Благодетеля, благословяща и освящающа нас, Сам благослови предложение сие и приими е в пренебесный Твой Жертвенник. Помяни, яко Благ и Человеколюбец, принесших и ихже ради принесоша, и нас неосуждени сохрани во священнодействии Божественных Твоих Тайн…»

Мы знаем, что до VIII века приготовление даров совершалось непосредственно перед началом Евхаристической Литургии, примерно как сейчас всё ещё совершается приготовление епископом на архиерейской Литургии. Всех нынешних молитв и поминовений тогда не существовало, они были введены, начиная с X столетия. Существовала лишь молитва о дарах, и она читалась после положения даров на престол.

Ектения

Текст ектении, читаемый сейчас после входа с дарами, очень старый; он находится уже в писаниях свт. Иоанна Златоуста и в Апостольских постановлениях. Её прошения, начиная с «Дне всего совершенна, свята, мира и безгрешна, у Господа просим», совершаются от имени присутствующих; она отличается от мирной ектении, где прошения носят более универсальный характер.

Данная ектения никогда не читалась независимо, но только как добавление к великой ектенье. С конца четвёртого века мы находим её в конце вечерних и утренних молитв, где она находится и сейчас в Византийском служебнике. Обычно мирная ектения читалась коленопреклонённо, тогда как ектения о частных нуждах читалась стоя. Соединением между двумя ектениями служила фраза: «Заступи, спаси, помилуй…», где добавлялось также прошение «возстави нас, Боже, Твоею благодатию», после которого люди вставали.

В старых документах, эта ектения заканчивает всё богослужение; после неё следовало только заключительное благословение. Её задачей было сделать переход от богослужения к конкретной жизни наступающего дня или ночи. Это объясняет, почему она не читалась в Литургии Слова после великой ектении, ведь верные не выходили, но оставались в храме. Напротив, она была добавлена к ектении об оглашенных, которые после благословения епископа должны были покинуть храм. Эта ектения, таким образом, не относится к Литургии, где присутствуют только верные.

Прежнее вхождение в алтарь

Подытоживая всё вышесказанное, мы может описать вход в алтарь (Великий вход), как он совершался в древности.

Литургия Слова, вплоть до окончания «Молитвы верных», т. е. мирной ектении, совершалась в притворе храма; клирики были в центре, лицом к алтарю. Как

только ектения завершалась, хор начинал петь гимн Предложения, ныне это Херувимская. Епископ и священники из центра храма шли в алтарь, читая молитву входа (молитву приношения: «Господи Боже Вседержителю, Едине Святе…»), в то время, как диаконы приносили дары из диаконника или боковой ризницы, где они были приготовлены. Епископ полагал дары на Престол и читал молитву: «Боже, Боже наш, небесный Хлеб…», предваряя которую, диакон возглашал: «О предложенных честных дарех, Господу помолимся». После этого начиналась Анафора.

Целование мира

Сейчас, после ектении, священник поворачивается к народу и говорит: «Мир всем», начальное приветствие церемонии мира. Диакон приглашает людей: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы (нашу веру)», на что народ отвечает: «(В) Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную».

В этом возглашении и ответе мы видим слившиеся вместе две вещи; одна – это приглашение к целованию мира: «Возлюбим друг друга», как она записана в наиболее древних рукописях византийской Литургии; другая – «Да единомыслием…», которая является более поздним добавлением и вводит чтение Символа веры.

Символ веры, как известно, не является исконным элементом Литургии. Вера, особенно таинство искупления, выражена в самой анафоре. Символ веры – это формула, читаемая оглашенными перед принятием таинства Крещения; по этой причине, будучи индивидуальным исповеданием веры, он начинается словами «(Я) верую». Сирийская и испанская Литургии, когда в них был введён Символ веры, стали использовать форму множественного числа: «Веруем», более подходящую для исповедании веры общиной. Символ веры был введён в византийскую Литургию патриархом Тимофеем (512–518), но ссылка на Символ в диаконском призыве к целованию мира появилась лишь в XI или XII веке.

В четвёртом веке целование мира было печатью любой церковной службы. На Литургии оно совершалось в конце Литургии Слова, перед перенесением даров. Апостольские постановления, в восьмой книге, указывают: каждый да целует своего соседа, мужчины мужчин, женщины женщин; и тогда диаконы приносят хлеб и вино.

Две интерпретации мира

Поскольку целование мира совершалось в конце Литургии Слова, Златоуст видит в нём приготовление к Евхаристической Жертве. Он ссылается на Евангелие от Матфея (5, 23–24): «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой.» Таким образом, этот дополнительный смысл стал прямым приготовлением к совершению Анафоры.

Фактически, идея «мира» в Литургии может быть понята двумя путями. Первый, как мы видели в цитате из Златоуста, предполагает мир как предварительное условие принятия нашей жертвы Богом. Мир не снисходит с престола на верных через священников и диаконов, но им делятся друг со другом присутствующие на Литургии: священники со священниками, диаконы с диаконами, верные с верными. Этот мир имеет смысл примирения со своим соседом. Это основная идея мира в византийской Литургии; такое раздельное примирение между различными категориями верующих объясняет также, почему исчезло это целование между верными: не было специально назначенного человека, который бы эту церемонию инициировал.

Другое понимание мира присутствует в римской Литургии. Христос – наш Мир, Он Тот, Кто примирил Небо и землю, и человека с его Небесным Отцом. Поэтому целование мира совершается после пресуществления Даров, как результат совершённого Христом искупления. Служащий берёт мир с алтаря[9], передаёт его диакону, и дальше всем верным.

Приглашение к Символу веры

В наше время приглашение к чтению Символа веры совершается странной фразой: «Двери, двери, премудростию вонмем». Многие думают, что, ввиду предстоящего чтения Символа веры, двери для не-христиан должны быть закрыты.

В действительности, эта фраза состоит из двух частей различного происхождения. Первая часть: «Двери, двери!» произносилась перед перенесением даров, после того, как иподиаконы осмотрели храм, чтобы убедиться, что все, кто перед этим был отпущен, действительно храм покинули. двери тогда закрывались, так что никто не мог войти. Тот факт, что это увещевание произносится после преподания мира, будет понятен, если мы примем во внимание, что преподание мира было заключительный актом Литургии Слова, а закрывание дверей – первым актом Евхаристической Литургии. Увещевание и преподание мира слились вместе.

Вторая часть фразы: «Премудростию вонмем!» в прежние времена писалась просто как «Вонмем!». Каково же значение, или, скорее, литургический смысл

возглашения «Премудрость».
В Литургии оно появляется первый раз, когда диакон, несущий Евангелие на малом Входе, говорит «Премудрость». Кто-то может подумать, что это относится к Премудрости Божией, содержащейся в Евангелии, но мы находим, что в десятом веке оно произносилось также и перед сугубыми ектениями; оно и сейчас произносится в конце утрени и вечерни, безо всякой связи с Евангелием.
Перед прокимном диакон последовательно говорит «Вонмем», «Премудрость», «Вонмем», чтобы предварить этим «Мир всем», прокимен, заголовок Апостола и само апостольское чтение. Ясно, что в это случае целью является сохранить внимание верующих; это, таким образом, эквивалент «Вонмем». То же самое следует сказать и о других случаях. На малом входе диакон призывает к вниманию, чтобы люди встали при входе патриарха. «Премудрость» – красивое слово, полное библейского смысла, и оно используется, чтобы избежать слишком частого повторения «Вонмем»
Мы можем закончить эту главу замечанием о веянии покровом (воздухом) над дарами во время чтения Символа веры. Эта церемония обычно вызывает на Западе недоумение. В греческом тексте Литургии мы находим две рубрики, посвящённые этому. Первая гласит: «Священник, подняв покровец, веет им над Святыми Дарами». Вторая, перед благословением: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа…» указывает: «Священник, подняв покровец с Даров, откладывает его в сторону». Таким образом, согласно рубрикам, есть два места, где следует поднимать покровец. На самом деле, поскольку Символ веры не является исконной частью Литургии, обе рубрики суть то же самое. Непосредственно перед началом Анафоры, когда диакон возглашает «Станем добре…», священник поднимает покровец с даров. Украинцы хранят этот старый обычай и поднимают покровец после Символа веры. Указание о веянии над дарами достаточно недавнее, и не появляется в некоторых место вплоть до XIX века.
Заключение
В этой второй главе, описывающей промежуток от малого Входа до Анафоры, мы наблюдали некоторые интересные моменты в развитии Литургии.
Одним из ключевых моментов является собрание в целом, слушающее Слово Божие в первой части Литургии. Платформа в центре храма, именуемая ambon или bema, вокруг которой стояли люди, помогала создавать единство между клиром и верными. В этой начальной части Литургии нет ощутимого различия между епископом, священником или народом. Все нуждаются в слышании Слова Божиего и очищении им. Литургия, кажется, хочет дать нам важный урок в своей начальной части, и, независимо от достоинства или полученного рукоположения, все равны в своей потребности быть наученными Словом Божиим и в очищении, перед тем, как начнётся страшная тайна Евхаристической Жертвы. Вот почему некоторые древние тексты указывают, что епископ должен одевать литургические облачения только в начале приношения даров, когда клирики приступают к престолу, как избранные служители, получив очищение Словом Божиим.
Теперь подходит время к торжественному раскрытию Евхаристического канона Византийской Литургии.
Часть III: Анафора – Епиклезис
В византийской Литургии, как и в Римском обряде, Анафора начинается с диалога между епископом или священником и народом.
До начала диалога диакон призывает людей встать должным образом: «Станем добре, станем со страхом, вонмем, святое приношение в мире приносити». На этот призыв люди отвечают фразой, которая часто понимается неправильно: «Милость мира, жертву хваления», если перевести греческий текст дословно, но что это означает? Нам поможет в этом Армянская Литургия, в ней мы находим такой перевод: «Милость, мир, жертву хваления». Эти три слова относятся к слову «возношение» в предшествующей фразе, т. е. смысл ответа людей звучит так: «(Святое возношение – это) милость, (это) мир, (это) жертва хваления».
Тогда служащий священник преподаёт людям торжественное благословение: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца и причастие Святаго Духа буди со всеми вами», используя цитату из 2 Кор., 13, 13. Мы объясним эти слова позже, когда будем обсуждать плоды Причащения.
После приглашения вознести сердца, священник призывает людей возблагодарить Господа, и народ соглашается, говоря: «Это достойно и праведно». После этого короткого ответа, который всё ещё используется в Греческой Церкви, читалась вслух последующая молитва, которая начиналась с тех же самых слов. Только позднее, когда молитвы стали читаться молча, к первоначальному ответу была добавлена дополнительная фраза, с тем, чтобы удлинить пение. Эта фраза: «…есть поклонятися Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней». Однако, в результате этого добавления, смысл

ответа изменился, т. к. возношение хвалы Святой Троице заменило первоначальный смысл благодарения Богу.
Сейчас мы подходим к самой Анафоре. Первая молитва, читаемая перед Sanctus'ом, в римском обряде называется префацио. Литургическое значение этого слова – торжественное возглашение, что-то, что читается вслух перед собранием.
Санктус не встречается в наиболее старых анафорах, так что это была единая молитва; после добавления Санктуса единая молитва была разделена на две части. Нынешняя молитва перед Санктусом воздаёт Богу хвалу и благодарение за Его чудеса, за создание и искупление в целом. После Санктуса хвала продолжается, подходя к пришествию Христа, и заканчивается рассказом об установлении Евхаристии.
Немедленно после этого следует Анамнезис, т. е. особое воспоминание тайны нашего спасения, и Эпиклезис, или призывание сошествия Духа Святого, которое и завершало древний тип анафоры.
Таким образом, анафора, которая по сути является единой большой молитвой, имеет три части: молитва хвалы и благодарения Богу от нашего имени за Его чудеса, разделённая Санктусом на две части, и Анамнезис-Эпиклезис, которые следует воспринимать вместе. Воспоминание усопших и живых, которое сейчас следует за Эпиклезисом, было добавлено позже.
Анафора Ипполита
Чтобы показать на примере основную структуру древней Анафоры, я хочу воспользоваться анафорой из Литургии Ипполита, датируемой третьим столетием. После обычного вступительного диалога епископ цитирует вслух всю анафору, как единую молитву, без разбивки. Мы приведём её в соответствии с указанным выше разделением:
«Хвалу Тебе воздаём, Боже, через Твоего возлюбленного Сына Иисуса Христа, Которого Ты послал нам в последние времена, как Спасителя и Искупителя и Ангела Твоего Совета.
Он – Твоё Слово, неотделимое от Тебя, которым Ты всё сотворил и в котором Твоё благоволение.
Его Ты послал с Небес в утробу Девы, и Он был зачат внутри Неё и стал плотию, показав через рождение от Духа Святого и Девы, что Он Твой Сын.
Он исполнил Твою волю, и приготовил для Тебя народ святой, Он руки распростёр в страдании, чтобы верующих в Него избавить от страданий.
Он, когда был предаваем на добровольные страдания, чтобы упразднить смерть, и разорвать узы диавола, и сокрушить ад, и просветить праведников, и восстановить порядок Своим Воскресением, взяв хлеб, и воздавая Тебе благодарение, сказал:
„Приимите, ядите, это Тело Моё, которое за вас преломляется во оставление грехов.“
Подобным образом и чашу, говоря:
„Это Кровь моя, за вас проливаемая.
Когда творите это, творите в Моё воспоминание.“
(Анамнезис)
Воспоминая, таким образом, его смерть и Воскресение, мы предлагаем Тебе эти Хлеб и Чашу, благодаря Тебя, ибо Ты позволил нам стоять перед Тобой и священнодействовать Тебе,
(Эпиклезис)
И мы молим Тебя, чтобы Ты послал Духа Своего Святого на приношение Твоей Святой Церкви, и даровал всем причастникам быть едиными, чтобы они могли исполниться Духом Святым для утверждения их веры во истине, что мы можем хватить и прославлять Тебя, через Твоего возлюбленного Сына, Иисуса Христа, через Которого Тебе слава и честь, со Святым Духом, во Святой Твоей Церкви, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.»
Мы видим, что Санктуса ещё не существует, и что Анамнезис-Эпиклезис построены, как единый элемент.
Анафора Златоуста
В Анафоре Златоуста первая часть начинается с рассматривания истории спасения: сотворения, греха, искупления и будущей вечной жизни в Царстве Божием. Как и вся Анафора, эта часть адресована Богу Отцу. Мы также воздаём благодарение за все благодеяния, дарованные нам, и за нынешнюю Литургию, которую Бог благоволит принять из наших рук, хотя у Него в Небесах есть великая Литургию всех ангелов, которые воспевают его триумфальным гимном: «Свят, Свят, Свят…»
В Римском обряде «Свят, Свят, Свят…» приписывается вкупе ангелам и людям; и византийской Литургии он описывается, как песнь ангелов; лишь после Санктуса Церковь присоединяет своей голос к небесному хору. Молитва продолжается рассуждением о любви Божией к человечеству, любви, ради которой он послал Сына Своего чтобы совершить Божественный план спасения, начавшийся непосредственно после первородного греха. Косвенное упоминание

Страстей Христовых вводит рассказ о Тайной Вечере и установлении Евхаристии.

Заповедь

Трудно понять, почему заповедь Христа «Сие творите в Мое воспоминание» не упоминается после слов о Чаше. Это единственная анафора, как в Восточных, так и в Западных Церквах, где отсутствуют эти слова. Мы естественно находим её в Литургии свт. Василия.

С другой стороны, наличия заповеди требуют следующие слова Анамнезиса: «Поминающе убо спасительную сию заповедь… и вся яже о нас бывшая… Еще приносим Ти… и просим, и молим, и мили ся деем, низпосли Духа Твоего Святаго…»

Эта заповедь, в единственном числе, не может относиться к двум действиям: «Приимите, ядите», «Приимите, пейте». Кроме того, если бы заповедь относилась к этим словам, её исполнение заключалось бы в принятии хлеба и вина и вкушении их. Так что, если исполнение заповеди, согласно Анамнезису-Эпиклезису, состоит в воспоминании, в приношении даров и просьбе о преложении даров в Тело и Кровь Христовы, то под самой заповедью здесь понимаются именно слова: «Сие творите в Мое воспоминание».

В этой заповеди Спаситель указывает нам воспоминать и творить. Поэтому в Анамнезисе-Эпиклезисе мы находим оба элемента: воспоминание и действие. Воспоминание очевидно; действие состоит в предложении даров и призывании на них Духа Святого.

Анамнезис

Отметим, что в Анамнезисе вспоминаются не только таинства Страсти и Воскресения Христова, но также и Вознесение, седение одесную Отца и второе Пришествие. Таким образом, сюда включено всё таинство нашего спасения, вплоть до воскресения тел; только тогда искупление будет полным, ибо «и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего» (Рим., 8, 23); это искупление является нашим воскресением, необходимым следствием Христова Воскресения, ибо «Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес … Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших… Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (1 Кор., 15, 13, 20, 22); но эту жизнь вечную даёт нам именно Евхаристия: «Ядущий Мою плоть и пиющий мою кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин., 6, 54).

Эпиклезис

Ранее в Литургии мы уже встречали некоторые упоминания Эпиклезиса в молитве перед Символом веры (молитва проскомидии, т. е. приготовления Даров): «… и вселитися Духу благодати Твоея Благому в нас, и на предлежащих Дарех сих, и на всех людех Твоих»

В этой молитве о схождении Святого Духа говорится как о будущем событии; в Эпиклезисе священник обращается к Небесному Отцу с прямой просьбой: «Низпосли Духа Твоего Святаго на ны, и на предлежащыя Дары сия. И сотвори убо Хлеб Сей, честное Тело Христа Твоего. А еже в Чаши Сей, честную Кровь Христа Твоего. Преложив Духом Твоим Святым».

Западное богословие рассматривает как момент пресуществления произнесение Установительных слов. Нет сомнений, что в Римской Мессе это происходит именно так, но необходимо ли, что пресуществление совершается именно через эти слова?

Пресуществление[10] на Тайной Вечери

В первую очередь мы должны рассмотреть вопрос, совершил ли наш Господь пресуществление именно этими установительными словами. Если Он действительно совершил пресуществление словами «Приимите, ядите, это Тело Мое», и хотел, чтобы мы делали то же самое, тогда никаких иных возможностей не остаётся.

В синоптических Евангелиях (Мф. 26, 26–29; Мр. 14, 22–25; Лк. 22, 19–20) равно как и в повествовании ап. Павла в 1 Кор. 11, 23–26, мы находим повторение трёх действий: Христос благословил (или воздал благодарение), преломил, дал. Вокруг этих трёх действий Христа на Тайной вечере построена Евхаристическая часть Литургии.

Благословение заключалось в произнесении молитвы благословения и благодарения, которая, согласно иудейскому обычая, начиналась словами: «Благословен Ты, Господь наш Бог, Царь веков». Этому в нашем каноне соответствует Анафора. Глагол преломил означает преломление хлеба; дал соотносится с Причащением. Так что в каждой Литургии мы находим эти три действия: Канон или Анафора, преломление хлеба, наконец Причащение.

Если бы ранние христиане понимали так, что Господь совершил пресуществление после преломления хлеба, то есть, после слов «Преломил», каждая христианская Литургия имела бы Пресуществление после Преломления, поскольку Евхаристическая Литургия строилась таким образом, чтобы повторять действия Господа на Тайной Вечере. Однако нет ни одной христианской Литургии, ни на

Востоке, ни на Западе, где бы Пресуществление Даров было после Преломления. Древняя Церковь считала, что слова «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое», произнесённые после преломления хлеба, когда Он дал хлеб апостолам, относились к раздаче Причастия.
Действительно, это слова очень похожи на любую формулу раздачи Причастия, например, католический священник говорит: «Тело Христово[11]». Самому Христу естественно было сказать «Это Тело Моё».
Это подтверждается Евангелием от Марка, в месте, где говорится о Чаше: «И, взяв чашу, благодарив, подал им: и пили из нее все. И сказал им: сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая». Невозможно, чтобы Христос использовал эти слова для пресуществления, в то время, как апостолы уже пили из чаши. И даже если мы предположим, что в этой редакции Евангелия последовательность событий была несколько изменена, мы должны всё же признать, что евангелист, редактировавший это место, не считал нужным подчеркнуть для читателей, что слова «Это Кровь Моя» являлись освящающими.
Византийская Литургия, описывая исторические события Тайной вечери, говорит: «В нощь, в нюже предаяшеся, паче же Сам Себе предаяше за мірский живот, прием хлеб во святыя Свои и пречистыя руки, благодарив и благословив, освятив, преломив, даде святым Своим ученикам и апостолом, рек: Приимите, ядите…» В историческом повествовании действие пресуществления помещено перед Преломлением. Таким образом, Литургия прямо утверждает, что освящение происходило на Тайной вечере до Преломления. Это слово, «освятив» (agiasas), было воспринято Литургией свт. Иоанна Златоуста из Анафоры свт. Василия. Мы находим его также во всех Сирийских анафорах.
Помещение пресуществления перед преломлением на Тайной вечери не является исключительно восточной традицией, её можно также встретить и на Западе. Так, Гауденций Бресцийский (пр. 400 г.) в своей второй проповеди на книгу Исход (PL 20, 858–9) говорит: «Когда Он (Христос) предложил ученикам освящённые Хлеб и Вино, он сказал: „Это Тело Моё, Это Кровь Моя“».
Подобную веру мы находим даже в Средние века. Папа Иннокентий III (XII–XIII века) в своём трактате «О Таинстве Святого Алтаря» (De Sacro Altaris Mysterio lib. 4, ch. 6; PL 217, 859), полностью соглашается с теми, кто в ту эпоху полагал, что Христос совершил пресуществление перед преломлением хлеба, ибо, как он говорит, «Невозможно думать, что Он мог раздать (хлеб) до его освящения». Он, однако, оставался при мнении, что словами «Это Тело Моё» Христос выразил формулы для будущих освящений.
Таким образом, мы может спокойно утверждать, что Установительные Слова на Тайной вечери относились к Причащению, не к Пресуществлению.
Пресуществление на Литургии
Другой, совершенно иной вопрос: «Какими словами совершается Пресуществление на Литургии сейчас?» Если слова Христа не были предназначены для освящения, ранняя Церковь могла определить, какие слова она будет использовать для этого. Так, Западная Церковь много веков назад определила для этого Установительные слова, и нет сомнения, что именно через эти слова латинский священник совершает освящение Даров.
А что насчёт Восточных Литургий? Католическая Церковь никогда не отрицала действительность православной Литургии, и как мы видели недавно[12], на встрече Папы Павла VI и Патриарха Афинагора I, Папа презентовал греческому патриарху чашу для совершения Евхаристии. Но Рим, признавая действенность греческой Евхаристии, знает, что греки воспринимают Установительные слова, как часть исторического повествования, и Эпиклезис, как собственно освящение Даров. Так что, практически, Рим признаёт возможность освящения через Эпиклезис.
С другой стороны, западные богословы не могут быть настолько наивны, чтобы утверждать валидность греческой консекрации лишь потому, что греки всё же произносят Установительные слова. Человеческие действия, такие, как Освящение Даров в Литургии, зависят не только от произносимых слов, но, в то же время, от намерений служащего. Если православные, согласно древней традиции, желают совершать Освящение Даров через Эпиклезис, и Римская Церковь признаёт действительность их Литургии, Рим должен также одобрить и их способ освящения.
По меньшей мере часть святых отцов видит освящающую силу именно в Эпиклезисе, рассматривая в то же время Установительные слова как первичный источник освящающей силы.
Среди многих доступных текстов, мы может процитировать трактат Златоуста о священстве (VI, 4; PG 48, 681): «Но когда (священник) призывает Духа Святаго и совершает страшную Жертву, и прикасается к Господину всех, скажи мне, как нам его оценивать?» И в том же самом трактате, сравнивая священника с Илией пророком, он говорит: «Стоит священник, низводя не огонь, но Духа Святаго» (III, 4).
До Златоуста, свт. Кирилл Иерусалимский в своих катехизических беседах

говорит (23, 7; PG 32, 1116): «Мы призываем Бога, возлюбившего человечество, послать Духа Святаго на лежащие пред Ним Дары: чтобы Он соделал хлеб Телом Христа, а вино Кровью Христа; ибо Дух Святый освящает и изменяет всё, к чему прикасается».
В том же четвёртом веке свт. Амвросий Медиоланский думал, что освящение происходит через Установительные слова. Так что мы видим, что в разных Церквах, находящихся между собой в единстве, использовались разные формулы для освящения Даров; и все они признавались законными.
Различие во мнениях продолжилось и в следующих столетиях. Так, Папа Геласий (492–96) пишет: «Как может Дух Святый, будучи призываем, сойти для освящения Божественной Тайны, если призывающий Его священник отвергнут, как исполненный преступных деяний?» Этот отрывок показывает существование Эпиклезиса в римской Мессе в то время, и что он признавался за освящающий дары.
Прп. Иоанн Дамаскин († ок.760), следуя учению свт. Иоанна Златоуста, говорит в своём трактате о Православной вере (PG 94, 1145): «Хлеб предложения, и вино и вода, сверхъестественным образом изменяются в Тело и Кровь Христовы, через Эпиклезис и сошествие Святого Духа».
Всё же, среди западных отцов свт. Исидор Севильский, комментируя Мозарабскую мессу, писал следующим образом (PL 83, 752-53) о молитве, идущей за Установительными словами, в которой содержится Епиклезис: «После этого следует шестая молитва, „формирование“ таинства, так что приношение, предложенное Богу, благословением Духа Святаго, „сообразовалось“ в Тело и Кровь Христовы». И дальше, он говорит (ibid. 755): «Это видимые вещи, однако после благословения Духом Святым, они превращаются в Таинство Божественного Тела».
Это различие во мнениях всё ещё существует между Католической и Православной Церквями, католики утверждают, что Пресуществление совершается при произнесении Установительных слов, православные, со свой стороны – что во время Эпиклезиса. Исключают ли это две позиции одна другую? Последние исследования в области взаимоотношений между Церквями скорее показывают, как мы уже сказали, взаимное принятие точек зрения друг друга. Таким образом, представляется, что решением давнего спора является уважение каждой Церковью свободы и права другой Церкви на определение сакраментальных слов.
Это различие проявляется также в различных нюансах религиозной психологии между восточным и западным мышлением. На Западе в формулах таинства на первое место выступает личность священника: «Я крещу тебя», «Я утверждаю тебя», «Я разрешаю тебя»; «Это Тело Мое» в данном контексте проявляется, как отождествление священника со Христом. Восточный священник никогда не занимает такого места, и его присутствие, хотя и необходимое, не выражается в словах. «Крещается раб Божий», говорит он в Крещении, «Печать дара Духа Святаго» – в мvропомазании, «Бог да простит тебе грехи твои» в исповеди. Подобным же образом, в Евхаристии, руководствуясь тем же менталитетом, священник, назначенный посредник между Богом и людьми, просит Бога низпослать Духа Святаго и претворить хлеб и вино в Тело и Кровь Христа; священник знает, что, в силу его рукоположения, его молитва непременно возымеет действие.
Таким образом, мы может сделать вывод, что вопрос Эпиклезиса и точный момент пресуществления даров не является реальной богословской проблемой. Учительство Церкви имеет власть в определённых границах устанавливать слова и жесты, составляющие форму таинства. Она поступала так во многих случаях; последним таким действием было определение Папы Пия XII, что единственным жестом, необходимым для действенной иерейской хиротонии является возложение рук епископа, даже если в прежние времена многие думали, что для этого необходимо передача ему инструментов служения.
Воспоминание живых и усопших
Современная Анафора содержит в качестве приложения два воспоминания, усопших и живых.
В первом из них, среди усопших в первую очередь поминаются святые. Поминовение построено, как молитва в их честь. Но может возникнуть вопрос, зачем же молиться за святых, если они и так уже находятся на Небесах? Как наши молитвы могут помочь им?
Два греческих комментатора прежних времён пытались разрешить эту богословскую проблему. Феодор Андидский (XI век) не видел иного решения, кроме как предположить, что священник здесь говорит во имя Христа и отождествляет это литургическое богослужение с Крестной Жертвой. Не подлежит сомнению, что вся святость происходит от Христовой жертвы. Он приносит её Предвечному Отцу за всё человечество, но некоторые люди более полно участвовали в плодах Христова искупления, так что они стали избранниками Бога и образцами христианской жизни; таковы святые, и первая

среди них – Мария, Матерь Христа. В этом случае Христос мог предложить Свою Жертву в первую очередь за тех, кто явился наиболее избранными плодами Его искупления.
В XIV веке Николай Кавасила предлагает другое объяснение. Евхаристическая жертва означает жертву благодарения; одной из её целей является благодарение Богу. Так что мы может приносить эту жертву за святых в смысле благодарения Богу за святых, которых Он дал нам.
Воспоминание святых очень древнее, и мы думаем, что первоначально оно было основано на совершенно иных богословских предпосылках. В ранние времена святые отцы полагали, что вечная жизнь не была получаема человеком полностью до его воскресения из мертвых. Даже души святых не прибывали на Небо до конечного Воскресения, но оставались на месте, именуемом Раем, где они наслаждались неполным блаженством. Молитва Литургии имела, возможно, смысл прошения Бога о даровании им окончательного Воскресения и полного блаженства. В наше время, однако, эта концепция уже несколько устарела, и таковой она была уже во времена Феодора Андидского и Николая Кавасилы. Так что в наше время мы может принять любое из толкований данных авторов.
Подобная эволюция в эсхатологических воззрениях происходила также и в Западной Церкви. Вот, к примеру, антифон: «Пусть ангелы перенесут тебя в Рай», использовавшийся на римских похоронах, но этот рай, по-видимому, ещё не Небеса, поскольку далее в этом антифоне следует: «И да обретёшь ты вечный покой с Лазарем, нищим», который, согласно Евангелию, был на лоне Авраамовом, не на Небесах.
Структура поминовений
Рассмотрев богословские проблемы, посмотрим на структуру этих поминовений. Первое из них, о святых и усопших, состоит из трёх частей: общее перечисление категорий, без упоминания имён; явное поминовение некоторых святых, начиная с Пресвятой Богородицы, и различные поминовения усопших.
В первой части мы видим десять категорий святых: праотцы, отцы, патриархи, пророки, апостолы, проповедники, евангелисты, мученики, исповедники, аскеты. На самом деле, категория «Праотцы» была добавлена позднее, она не встречается в древних рукописях, так что категорий святых девять, аналогично девяти чинам ангельским.
После второй части, где поминается Пресвятая Дева, св. Иоанн Креститель, апостолы и святой дня, диакон читает вслух из диптихов имена почивших членов общины, что составляет переменную часть поминовения. Во время поминовения, сначала священник, а затем диакон берёт кадило и кадит престол. Каждение в этом месте совершается не в честь Святых Даров, и не исключительно в честь Пресвятой Девы, но ради всех почивших. Каждение символизирует молитвы святых, как мы видим это в 8 главе Откровения, и это является подходящим временем для молитвы о почивших душах.
Воспоминание живых также имеет три части: перечисление различных категорий; явное поминовение церковных властей; и переменная часть поминовения, составляющая молитву о тех членах общины, которые находятся в разного рода трудных обстоятельствах, как, например, в болезни.
Третья часть поминовения живых совершалась диаконом по диптихам, и заканчивалась фразой: «И за всех мужчин и женщин», которая повторялась хором.
Теперь мы может в нескольких словах подытожить Анафору. Первая часть, после диалога, это Евхаристическая молитва и она содержит хвалу, благословение Бога и благодарение за Его дары. Эта молитва прерывается Санктусом и заканчивается установлением Евхаристии.
Затем следует священнодействие, которое связано с предшествующей молитвой заповедью Спасителя: «Сие творите в Моё воспоминание». Здесь Церковь вспоминает тайну Искупления, предлагает дары Богу и просит Его преложить их действием Святого Духа, с тем, чтобы все, приемлющие их, принимали бы также оставление грехов и были бы объединены Духом Святым в единое тело – Мистическое Тело Христа.
Так происходила древняя Анафора. Позднее были добавлены воспоминания живых и усопших. Вся Анафора завершается славословием: «И сподоби нас, Владыко, едиными усты и единым сердцем смети призывати пречестное и великолепое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».
Часть IV: Плоды Святого Причащения
Для понимания плодов Святого Причащения, как они выражены в Византийской Литургии, мы должны вспомнить текст Эпиклезиса из предыдущей части. Здесь мы видим подчёркивание плодов Причащения: «Якоже быти причащающымся во очищение[13] души, во оставление грехов, в приобщение Святаго Твоего Духа, во исполнение Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд, или во осуждение»
Первый упомянутый здесь плод Святого Причащения – это очищение души и оставление грехов. Здесь мы должны отметить, что наш перевод, «очищение

души», не соответствует современному греческому тексту. Причина в том, что в греческом языке мы имеем два слова с одинаковым произношением: nepsis, означающее бодрствование или трезвение, и nipsis, означающее очищение. В тексте литургии стоит nepsis, но это, должно быть, ошибка вследствие идентичного произношения. Nepsis – это специальное аскетическое слово, которое никогда не использовалось в сочетании с душой, основой естественной жизни, как в этом месте: nepsis psyches. Оно всегда соотносится с разумом, nous. Следовательно, в данном контексте здесь должно стоять nipsis, означающем истинное омовение или очищение души от любого пятна и греха, как первый плод Евхаристии.
В молитве приготовления к Причащению, находящейся перед «Отче наш», к Богу обращено подобное же прошение: «… с чистою совестию, во оставление грехов … не в суд или во осуждение». Здесь мы находим повторение всех основных плодов Евхаристии практически в тех же слова, что и в Эпиклезисе. Прежде всего, мы видим прошение об оставлении грехов и прощении согрешений, что соответствует аналогичным прошениям в Эпиклезисе и подтверждает наше предположение об использовании слова nipsis (очищение) вместо nepsis (трезвение).
Римская Месса также содержит прошение об оставлении грехов как плоде Евхаристии: Libera me per hoc sacrosanctum Corpus et Sanguinem tuum ab omnibus iniquitatibus meis … («Через всесвятые Тело и Кровь Твои освободи меня от всех беззаконий моих»). И причастившись из Чаши, священник говорит: «… ut in me non remaneat scelerum macula, quem pura et sancta refecerunt sacramenta» («да не останется во мне и пятна греха, принявшем Чистое и Святое Таинство»).
Оставление грехов и наше очищение – это первые плоды Евхаристии, как результат пролития за нас на Кресте Крови Христовой; и в то же время они удаляют всякое препятствие к принятие главного плода, «Причастия Духа Святаго».
Причастие Духа Святаго
Эта фраза происходит из Второго Послания св. Апостола Павла к Коринфянам (13, 13): «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа со всеми вами». Мы уже упоминали это слова, как источник торжественного приветствия, начинающего анафору.
Следует заметить, что родительный падеж может использоваться как в субъективном, так и в объективном смысле. Слова «любовь Бога Отца» могут означать либо любовь, которой Бог любит нас (Бог здесь субъект), либо же любовь, которую мы проявляем к Богу (Бог здесь объект). Во фразе апостола Павла родительный падеж обозначает субъект, так что Дух Святой является действенной причиной общения. Для большей ясности можно перефразировать: «общение, совершаемое Духом Святым»; хотя, если нам нужен точный перевод, то наиболее удачным будет тот, что мы привели выше.
Смысл слова «общение»
И св. Павел и св. Иоанн используют слово koinonia в смысле близкого союза, что мы переводим словом общение[14]. Св. Иоанн в Первом послании пишет (1, 3): «о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение (koinonia) с нами: а наше общение (koinonia) – с Отцем и Сыном Его, Иисусом Христом». Так христиане, через их единство с апостолами, получают общение с Богом, Отцом и Сыном, действием Святого Духа, как об этом прямо говорит апостол Павел.
Союз с Богом достигается, согласно ап. Павлу, путём усыновления: «Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего [Единородного], Который родился от жены, подчинился закону, … дабы нам получить усыновление» (Гал. 4, 4–5). А сыновьями Бога и братьями во Христе нас делает действие Святого Духа: «Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии … Вы … приняли Духа усыновления, Которым взываем: „Авва, Отче!“ Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу» (Рим. 8, 14–17).
Дух Святой, делающий нас сынами Божиими, посылается Церкви Христом, воскресшим из мёртвых и прославившимся. Он есть Податель Духа, а в Евхаристии мы принимаем именно Воскресшего Христа, так что вечный Дар, которым Он наполняет нас, есть именно Дух Святой.
Дабы обозначить, что мы принимаем Воскресшего Христа, Церковь на всех Литургиях установила перед Святым Причащением специальную церемонию, соединение хлеба, Тела Христова, с вином, Кровью Христовой, символом жизни. Как разделение хлеба и вина служит символом смерти Христовой, так их смешение является символом Его Воскресения. Византийский священник, полагая частичку Пресуществлённого Хлеба в чашу, поизносит формулу: «Исполнение Духа Святаго», поскольку ради полноты Духа, живущего в Нём, Христос «стал духом животворящим» (1 Кор., 15, 45).
Византийская Церковь, дабы более ярко подчеркнуть присутствие Воскресшего

Христа, добавила к обычному смешиванию ещё одну церемонию: вливание в чашу горячей воды. Священник благословляет горячую воду, говоря: «Благословенна теплота Святых Твоих (Даров)[15]». Теплота может быть как символом жизни, так и символом Духа Святого, имея в виду слова Евангелия от Иоанна о живой воде; возможно, имеют место оба значения: жизнь, данная Духом Святым.
Расставляя по порядку рассмотренные нами аспекты, мы может сказать, что во Святом Причащении мы принимаем Воскресшего Христа, Подателя Духа Святаго, Он вновь вдыхает в нас Святой Дух, Который, углубляя наше божественное усыновление, приводит нас ко всё большему и большему единству с Богом Отцом, Христом, нашим Главой и Братом, и со всеми, кто, подобно нам, являются сыновьями Бога. Он осуществляет единство верных, которые становятся единым телом, Церковью, Царством Бога в этом міре, Царством, которое связывает Божественная любовь, вдохновлённая в наши сердца Духом Святым.
Служебная роль священства в этом преподании Духа Святаго выражается в засвидетельствовании этого в молитве приношения: «вселитися Духу благодати Твоея Благому в нас (служащих), и на предлежащих Дарех сих, и на всех людех Твоих». Это не три разных схождения Духа, но одно; Дух Святой снисходит на Дары через священников и епископов, которые через своё рукоположение имеют особую полноту Духа, и, через принятие Даров, на всех верных. Так что, мы можем сказать, служащие принимают два излияния Духа: одно служебное, для освящения Даров, другое же, как и все верные, для «общения в Духе» с Богом и людьми. Но даже если в первом случае Дух низходит не ради собственно священника, но ради Церкви, никто не станет отрицать, благодатных плодов этого схождения для священника.
Прочие плоды Евхаристии, перечисленные в Эпиклезисе, суть лишь признаки главного плода: «единство в Духе Святом», равно как и «полнота Царствия». В современном греческом тексте стоит «исполнение Царствия Небеснаго», но в старых рукописях слова «Небеснаго» нет. По сути, если в молитве испрашивается плод нынешней Евхаристии, плод, получаемый через приятия Тела и Крови Христовых, то ясно, что этот плод не может быть полнотой Небеснаго Царства, каковая будет лишь однажды в конце времён. Прошение о Небесном Царстве мы находим в молитве перед «Отче наш», в форме будущего времени: «в наследие Царствия Небеснаго», символом чего является Евхаристия. Если так, что же означает прошение «о полноте Царствия»? Здешнее Царствие, которое не может быть непосредственно Царствием Небесным, должно быть сама Церковь, возвещающая Царствие Божие в этом міре. Мы испрашиваем, таким образом, чтобы нам проникнуться и быть глубоко укоренёнными в жизни Церкви-Сообщества, чтобы мы могли наиболее полным образом участвовать в её жизни и деятельности. Наша братская любовь, единство в Духе Святом, возвещается в первую очередь в полном участии в жизни христианского сообщества. Это церковное братство и сотрудничество есть залог будущей надежды и права на наследование Небесного Царствия.
Последним упомянутым плодом Евхаристии является «в дерзновение еже к Тебе», согласно значению греческого слова parrhesia. Это слово означает, на самом деле, свободу от страха. Оно появляется, например, в Деяниях Апостолов, когда Пётр и Иоанн возвращаются в маленькой общине, чтобы передать им, что им сказали первосвященники и старейшины во время суда; община молится Богу, чтобы апостолы могли «со всей уверенностью» проповедовать Слово Божие (meta parrhesias, Деян., 4, 29). Такая христианская уверенность есть естественное следствие нашего усыновления. Дух Святой учит нас взывать «Авва, Отче»; мы живём в Его доме, в Церкви, и мы наследники Царствия. Мы знаем, что Бог так возлюбил этот мір, что отдал Сына Своего Единородного, так что мы можем через веру избежать погибели и получить вечную жизнь. Таким образом, мы полностью, без какого-либо страха, доверяемся Его отеческой любви к нам.
Последнее прошение в этой серии, «не в суд или осуждение», если рассмотреть его с т. з. логики, должно, похоже, находиться не здесь, но в молитве перед «Отче наш», где оно повторяется. Очевидно, что действительное схождение Духа Святого на Дары не может быть источником осуждения – причиной подобному может быть лишь наше плохое расположение, или недостоинство, препятствующее Ему действовать. Но в Эпиклезисе не стоит вопрос о субъективном расположении участников, только о плодах Духа. С другой стороны, молитва перед «Отче наш», являющаяся молитвой приготовления к Святому Причащению, просит Бога о даровании нам чистой совести для достойного принятия Святых Таин, так, чтобы они принесли должные плоды, не в суд или осуждение. В этом контексте данное прошение полностью оправданно.
Ектения перед «Отче наш»
Оригинальна ли эта ектения? Она начинается с возгласа: «Вся святыя помянувше, паки и паки миром Господу помолимся». Слово «святые» здесь, возможно, понимается в своём первоначальном смысле, как «все христиане», что связывает эту ектению с предшествующими поминовениями.

Два следующих возгласа, по сути, являются одним: «Об принесенных и освященных Святых Дарех, Господу помолимся, яко да Человеколюбец Бог наш… вознисполет нам Божественную благодать и дар Святаго Духа». Здесь мы видим старый способ составления ектений, из трёх частей: первая – намерение («о Святых Дарех»), вторая – воглашение («Господу помолимся»), и третья – цель («Яко да Человеколюбец Бог наш…») В третьей части вновь вспоминается Дар Святаго Духа, т. е. Дух Святой, Дар Бога, как плод Евхаристии.
Все остальные прошения ектении взяты из великой или просительной ектении и не относятся к этому месту. Единственным оригинальным прошением является последнее, заканчивающее ектению и предваряющее молитву «Отче наш»: «Соединение веры и причастие Святаго Духа испросивше, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим». Эта часть Литургии, подготовительная к Святому Причащению, более и более настаивает на мотиве единения: здесь мы взываем к Богу с просьбой двойного единства – в вере и любви – тех связях, которые составляют и поддерживают Церковь Божию.
Молитва священника после ектении связана с этим последним возглашением. Оно заканчивается словами: «…весь живот наш Христу Богу предадим», молитва же начинается: «Тебе предлагаем живот наш весь и надежду, Владыко Человеколюбче…». Это молитва подготовки к Причастию, о которой мы уже говорили в контексте Эпиклезиса. Эта молитва не имеет славословия, поскольку продолжается возгласом перед «Отче наш» и самой молитвой «Отче наш».
Отче наш
Интересно сравнить, как предваряется «Отче наш» в византийской и римской Литургиях. В последней священник говорит: «Спасительными заповедями наученные, и Божественными наставлениями вдохновлённые, дерзаем говорить». В византийской Литургии та же тема дерзновения, но естественно проистекающая из предыдущих молитв о плодах Евхаристии: «И сподоби нас, Владыко, со дерзновением неосужденно смети призывати Тебе, Небеснаго Бога Отца, и глаголати». Мы вновь просим об уверенности сынов Божиим перед тем страшным фактом, что Господь Небес позволяет нам называть Его Отцом. Основной акцент здесь вновь падает на действенное принятие Святой Евхаристии как сыновней уверенности в присутствии Бога Отца, а не рабского страха осуждения.
«Отче наш», не только потому, что Сам Господь дал нам её, как образец совершенной молитвы, но и потому, что она очень сжато подытоживает плоды Евхаристии, составляя основную молитву подготовки к Святому Причащению. Я хотел бы подчеркнуть две особенности «Отче наш», которые непосредственно соотносятся с их местом в Литургии. Первое – это греческое слово epiousion, которым в обоих Евангелиях (Мф., 6, 11; Лк., 11, 3) описывается хлеб. На английский[16], оно, под влиянием латинского текста переведено словом daily, т. е. «ежедневный». Однако в самой Вульгате оно переведено как quotidianum («ежедневный») у Луки, у Матфея же использовано странное слово super substantialem («надприродный», «надсущный»). Последний перевод может соотноситься со значением греческого слова. Действительно, похоже, что слова, которое Господь говорил на арамейском языке, имело значение «будущий», т. е. хлеб будущего Царствия Божия. Так как мы живём в первой фаза эсхатологического времени, мы может с уверенность соотносить хлеб, о котором говорится в «Отче наш» с Евхаристическим Хлебом. «Дай нам сегодня наш будущий хлеб» не может иметь иного значения, чем Евхаристия, которая заключает в себе Жизнь будущего Царствия.
Вторая особенность вытекает из первой. «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Прощение грехов представлено как плод небеснаго Хлеба; и в то же время, оно требует от нас общего прощения всех наших врагов, за все нанесённые нам раны. Евхаристия не принесёт своего плода, если мы предварительно не простим каждую обиду. Мы думаем, эти два прошения в «Отче наш» явились основаниями для введения этой молитвы практически во все Литургии, и именно как элемент подготовки ко Святому Причащению. Это молитва, которая заставляет нас прощать других и каяться в своих грехах, чтобы получить пользу от плода Евхаристии, который мы готовимся принять. Так что «Отче наш» является центром покаянного акта перед Святым Причащением.
Славословие в конце «Отче наш», хотя и отсутствует в критическом тексте Евангелия, находится в Дидахи (без тринитарного вставки), т. е. относится к первому веку. Сам Господь должен был использовать какое-либо славословие в конце молитвы, так как это было чуждо иудейской ментальности заканчивать молитву упоминанием лукавого, как в Матфея, или искушения, как у Луки. Все восточные обряды имеют славословие в конце «Отче наш».
Следующее за молитвой приветствие «Мир всем» предваряет благословение народа. Златоуст говорит нам, что перед каждым благословением епископа или священника было приветствие «Мир всем». Затем диакон призывает народ:

«Главы ваша Господеви приклоните». После того, как люди приклонят головы, священник благословляет их, читая молитву благословения и, согласно древнему обычаю, простирая руки над народом. Сейчас, однако, священник кланяется вместе с народом, обратясь к престолу, и молитва читается тайно, так что смысл благословения оказался потерян.
Благословение в этом месте имеет в виду приготовление ко Святому Причащению. Текст молитвы в Литургии Златоуста, однако, не ссылается на Евхаристию. Текст её, в точном переводе с греческого, гласит: «Ты убо, Владыко, предлежащая всем нам во благое изравняй, по коегождо своей потребе: плавающим сплавай, путешествующым спутешествуй, недугующыя исцели, Врачу душ и телес». Эта молитва, без сомнения, является древней молитвой благословения, но не отсюда, а с окончания службы. В Литургии свт. Василия и Литургии Преждеосвященных Даров молитва благословения после «Отче наш» ссылается на принятие Святого Причастия.
Диакон призывает верных приступить ко Святое Причастию словами: «Со страхом Божиим и верою приступите». Греки добавляют: «и любовию». Первоначальное призывание было простое: «Со страхом Божиим приступите». Но греческое слово phobos, использованное в этом призывании, не соответствует слову «страх»; его основное значение – сыновнее почтение. Как и в псалмах, начинающихся со слов «Блажен муж, бояйся Господа» и подобных, этот страх выражает почтение сына перед любящим отцом и включает отвращение от делания чего-либо, что может Его оскорбить.
После Причащения поётся ещё старый тропарь, который в древности заканчивал пение причастного псалма. Лучшая версия этого тропаря гласит: «Да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи, яко да поем славу Твою, яко сподобил еси нас причаститися Святым Твоим Тайнам; соблюди нас во Твоей святыни, весь день поучатися правде Твоей». Это «поучение», т. е. размышление призвано быть последствием Святого Причащения. Трудно, однако, соотнести правду Божию и Причащение. Последняя фраза вдохновлена псалмом 70, 24, и «правда» здесь употреблена в типичном библейском смысле, то есть, она сродни слову «милосердие». Действительно, мы называем Бога милосердным просто потому, что он защищает бедных, угнетённых, оскорблённых. Библейский смысл праведности не связан с наказанием или местью – эти последние именуются в Священном Писании Божиим гневом. Так что правда – это отеческое попечение, с которым Бог сопровождает Своих людей, защищает их и утешает их в бедствиях. Секрет получения этой милостивой Божией правды – быть бедным пред Богом, признать, что мы безпомощны на пути к спасению, что мы всецелом зависим от Бога. Мытарь в храме, исповедавший свою униженность и просивший Бога простить его, грешник, был оправдан, то есть, он получил Божию милость, Его помощь, Его благодать. Возносивший себя фарисей был презрен Богом.
Так что значение этого прошения из тропаря в том, чтобы сохраниться в этой святости, которую Бог сообщил нам через Таинство, и сохранить дух смиренной благодарности, зная, что мы не заслуживаем такой благодати.
В молитве благодарения за Святое Причащение, Церковь просит Бога управить наши жизни: «Исправи наш путь … соблюди наш живот, утверди наша стопы», утверждая в нашем христианском подходе страхом Божиим, сыновним почтением и любовью к Нему. Ради этой же цели молитва Матери Божией и всех Святых, наших братьев, получивших милость Божию, да сопровождает нас во всех трудностях нашей жизни.
Примечания
1
В русской православной практике подобные процессии обычно именуются «Крестный ход». Здесь, впрочем, ради точности, мы сохраняем используемое автором слово «процессия» (здесь и далее прим. переводчика).

2
Имеется в виду сугубая ектения. Греческое слово «ectene» («усердный, настойчивый») относится именно к этой ектенье. Прочие ектении называются у греков «diakonika», в западной же литературе (в т. ч. у автора данной статьи) используется термин «литания» (лат. litania, от греч. lite, молитва, прошение). В дальнейшем тексте мы будем по возможности придерживаться более привычной для России славянской терминологии, где каждая «литания» именуется ектеньёй.

3
Молитвы, содержащиеся в используемом ныне в РПЦ чине Литургии мы передаём, по традиции, текстами Служебника на церковнославянском языке (за исключением случаев, когда автор намеренно изменяет текст молитвы, о чём будет дополнительно отмечено в примечании). По-славянски же передаются и тексты псалмов (нумерация их, разумеется, по Септуагинте). Молитвы,

отсутствующие в современном богослужебном обиходе, переводятся обычно современным русским языком.

4
Munda cor meum, ac labia mea, omnipotens Deus, qui labia Isaiae prophetae calculo mundasti ignito: ita me tua grata miseratione dignare mundare, ut sanctum Evangelium tuum digne valeam nuntiare. Per Christum Dominum nostrum. Amen. (То есть: «Очисти сердце мое и уста мои, Вседержителю Боже, уста Исайи пророка углём горящим очистивший; так и меня по Твоей благой милости благоволи очистить, да Святое Евангелие Твое возвестить возмогу достойно. Через Христа Господа нашего. Аминь»).

5
То есть, «зажги».

6
В римской Мессе диалог между священником и народом (до реформы — министрантом) непосредственно перед началом Евхаристического канона. По русски: «Молитесь, братия, да моя и ваша жертва благоприятна будет пред Богом Отцом Всемогущим. — Да приимет Господь эту жертву от рук твоих, к похвале и славе имени Своего, ради пользы нашей и всей Церкви Своей Святой».

7
В тексте служебника: «и принеси ко Святому Твоему Жертвеннику». Пояснение сделанного здесь изменения см. далее в тексте статьи.

8
Как и славянское «приношение».

9
«Алтарь» здесь в латинском значении этого слова, т. е. «Престол».

10
В оригинале использован латинский термин «consecration», которому в славянской Литургии соответствует термин «освящение», а в богословии — «пресуществление». В дальнейшем мы будем употреблять оба этих термина.

11
Следует, впрочем, заметить, что говорит он это с конца 60-х годов XX века. До этого он говорил: «Corpus Domini nostri Jesu Christi custodiat animam tuam in vitam aeternam. Amen», т. е. «Тело Господа нашего Иисуса Христа да сохранит душу твою для жизни вечной. Аминь». Впрочем, слова «Тело Христово» встречаются в некоторых ранних текстах, например, в тех же «Апостольских постановлениях».

12
В 1964 году.

13
В Служебнике — «трезвение души», пояснение см. далее в тексте.

14
Communion. В английском языке это же слово традиционно используется и для обозначения слова «Причастие».

15
Слово «Даров» добавлено автором статьи. Напомним также, что славянское слово «теплый» означает «горячий», так что дословный перевод выглядел бы как «горячесть».

16
Как и на большинство других европейских языков. В славянском и русском такой проблемы нет, т. к. слово «насущный» является калькой с греческого «эпиусиос».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет

Развитие византийской Литургии. Матеос Хуан filosoff.org магазин обуви Интернет магазин http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг. http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!